

ЭКСПЛИКАЦИЯ ВАЛЕНТНОСТЕЙ СЛОВА В АССОЦИАТИВНОМ ЭКСПЕРИМЕНТЕ

С. В. Мартинек

Институт филологии Киевского национального университета им. Т. Шевченко

*В статье предпринимается попытка изучения концептуального содержания, соотносимого носителями русского языка с глаголами эмоционального отношения **любить** и **полюбить**, а также варьирование валентностей глаголов совершенного и несовершенного вида, эксплицируемое в ассоциативном эксперименте.*

Ключевые слова: ассоциативная реакция, концепт, валентность

*У статті зроблена спроба дослідження концептуального змісту, який носії російської мови співвідносять з дієсловами емоційного ставлення **любити** і **полюбити**, а також варіювання валентностей дієслів доконаного та недоконаного виду, який експлікується в асоціативному експерименті.*

Ключові слова: асоціативна реакція, концепт, валентність

*The article undertakes an attempt of investigating the conceptual content which are connected with the emotional verbs **l'ubit'** and **pol'ubit'** for the bearers of Russian language and variability of valencies of perfectives and imperfectives which are revealed via the associative experiment.*

Key words: associative reaction, concept, valencies

Когнитивное направление в науке о языке характеризуется переходом от изучения внешних языковых структур, грамматических форм и лексических значений как сугубо языковых явлений к глубинному исследованию языка как антропологического феномена [8, с.25]. Однако формирование новой парадигмы знания ставит исследователей перед необходимостью выработки специфичных для нее методов и приемов исследования. Как отмечает В.Н. Телия, исследование средств и способов взаимодействия языка и культуры «должно осуществляться на основе разработки *адекватных этим культурно-языковым механизмам методов*» [12, с.17]. Важность применения адекватных методов исследования при изучении концептов культуры объясняется их чрезвычайной сложностью.

Как указывал Э. Сепир, «любой вид культурного поведения соотносится с некоторым стереотипом», причем эти стереотипы «вовсе не обязательно обнаруживаются при простом наблюдении, несмотря на то, что в реальной жизни им могут следовать подчас с поистине тиранической последовательностью» [10, с.596, 598]. Анализ таких стереотипов предполагает выявление имплицитных культурных коннотаций, соотносящихся с концептуальным содержанием языковых знаков в сознании носителей культуры. Поскольку ассоциативная связь как феномен определяется «именно культурой во всем ее многообразии – всеми знаниями, опытом, в том числе чувственным опытом, в котором мы не отдаем себе отчета», изучая ассоциации, мы «апеллируем к неосознаваемому, глубинному слою нашей психики» [13, с.192].

Помимо того, центральные для человеческой психики концепты отражены в грамматике языков и «именно грамматическая категоризация создает ту концептуальную сетку, тот каркас для распределения всего концептуального материала, который выражен лексически» [7, с.91]. Варьирование валентностей коррелятивных глаголов совершенного и несовершенного вида, выявляемое в ассоциативном эксперименте (АЭ), должно, как представляется, эксплицировать фрагмент каркаса распределения концептуального материала в сознании носителей языка.

Лексический знак вне экстралингвистического и / или вербального контекста способен актуализировать все множество концептуальных представлений в сознании говорящего, которое допускается правилами употребления данного знака в языке. При восприятии слова-стимула в АЭ полностью или частично активизируется многоуровневая структура, которая включает иконическое представление единичного предмета или события, прототип этого предмета и / или соответствующий сценарий с сопутствующей сложной сетью эмоций и оценок, а также соответствующие связи в ментальном лексиконе носителя языка. Это явление связано с тем, что для тезауруса языковой личности характерно наличие «многочисленных координационных и субординационных, осознаваемых и неосознаваемых связей между отдельными языковыми сущностями и стоящими за ними концептуальными структурами» [3, с.5].

Следовательно, ассоциативные связи между словами не являются случайными: они детерминированы всей познавательной деятельностью человека. Элементы концептуального уровня находят свое отображение в связях ментального лексикона, организуясь во фреймы разного уровня обобщения. Слоты фрейма могут быть организованы пропозициями, выполняющими различные функции во фреймовой структуре представления знаний: экспликацию признака представления самого предмета либо экспликацию узлов / отношений более глобального фрейма. Это дает возможность реконструировать на основе полученных реакций строение и содержательные характеристики анализируемого фрагмента концептуальной картины мира. Следовательно, АЭ является методом, позволяющим получать психологически релевантные результаты.

Таким образом, **цель** предпринимаемого исследования заключается в выявлении концептуального содержания, соотносимого носителями русского языка с однокоренными словами и их словоформами, при обязательном соблюдении требования психологической релевантности такого описания.

Необходимость изучения и толкования эмоциональных концептов является общепризнанной, поскольку «область чувств и эмоций является именно той областью, где наиболее четко проявляется духовная культура народа» [2, с. 56]. Как отмечает А. Вежбицкая, такое исследование является важным постольку, поскольку эмоции играют огромную роль в жизни человека и их изучение – это «насушная и необходимая часть психологии и когнитивных наук»; кроме того, «глубокое проникновение в структуру эмоций и природы эмоциональной жизни обнаруживают народные представления об эмоциях», которые «кристаллизуются в языке эмоций, особенно в эмоциональной лексике данного языка» [1, с.347]. Поэтому материалом исследования послужили реакции, вызванные стимулами – глаголами эмоционального отношения **любить / полюбить**

(см. [9, с.1]. (Здесь и далее стимулы выделяются полужирным шрифтом, реакции – курсивом, цифра после реакции указывает их количество. При необходимости после количества реакций указывается их процент от общего числа реакций.)

А. Вежбицкая пишет о существовании культурно-специфичных психологических представлений о том, как себя вести, «бессознательно используемых носителями данного языка для интерпретации собственного эмоционального опыта или опыта других людей» [Вежбицкая, 1997: 341]. Аналогичную точку зрения высказывает В.Н. Телия, отмечая, что основным стержнем культуры «является совокупность ее установок, т.е. ментальных образцов, играющих роль прескрипций для социальных и духовных жизненных практик» [12, с. 18]. Эти установки выражаются в языке, поэтому вся семантика знаков языка «предстает в проблесках культуры» [6, с.164]. Лингвистическое исследование слов, значение которых культурно обусловлено, наталкивается на сложности именно в силу неосознанности (частичной или полной) действующих в социуме установок.

Обратимся к результатам АЭ. Как отмечает Ю.Н. Караулов, «среди реакций обычно находят образцы, которые реализуют все, зафиксированные в толковом словаре, лексико-семантические варианты многозначного стимула» [5, с. 754]. Механизм этого явления, с точки зрения когнитивной науки, объясняется тем, что одни концепты предполагают другие для своей характеристики. Так, в когнитивной грамматике Р. Лангакера семантические структуры (у Р. Лангакера – **предикации** “predication”) характеризуются по отношению к **когнитивным областям** “cognitive domains”, где «область» может быть любым видом концептуализации [15, р.3]. Когнитивные области характеризуют различные аспекты профилируемой сущности [15, р. 62]. Часть ассоциативных реакций эксплицирует эти когнитивные области, которые, соответственно, актуализируют одно из значений многозначного слова-стимула.

Например, для слова «любить» в словаре указано четыре значения: 1. Чувствовать глубокую привязанность к кому-, чему-л., быть преданным кому-, чему-л. || Испытывать чувство расположения, симпатии к кому-л.; 2. Чувствовать сердечную склонность к лицу другого пола; 3. Чувствовать склонность, влечение, тяготение к чему-л. || Испытывать удовольствие от созерцания, ощущения чего-л. || Иметь пристрастие к чему-л., отдавать предпочтение чему-л.; 4. Нуждаться в каких-л. условиях как наиболее благоприятных (о животных, растениях) [11, П,с.208-209].

Реакции на стимул **любить** позволяют эксплицировать все указанные значения: 1. *Человека* 36, *детей* 7, *людей, маму, родину* 8; 2. *Девушку* 14, *женщину* 11, *любимого* 2, *мужа* 12, *мужчину* 4, *невесту* 1; 3. *Водку, выпивать, выпить* 1, *животных* 5, *конфеты* 3, *природу* 11, *цветы* 4, *читать* 3; 4. *свет* 1 и др. [9, I, с. 302].

Слово «полюбить» определяется в словаре более узко: Почувствовать любовь, расположение к кому-, чему-л. || Стать влюбленным, влюбиться. || Почувствовать склонность, пристраститься к чему-л. [11, III, с.278]. В первую очередь бросается в глаза, что данное слово рассматривается не как многозначное, а как выражающее всего лишь оттенки значения. Однако сопоставление с дефиницией слова «любить» позволяет выявить, что его 1-3 значения соответствуют тому, что выделяется в дефиниции слова «любить» как оттенки.

Обратимся к полученным в ходе АЭ реакциям на стимул **полюбить**: а) *человека* 13; *родину* 2; *друга, маму, недруга, оперу, собаку* 1; б) *парня* 4; *его, мужчину* 3; *девочку, девушку, жену, пацана* 1; в) *цветы, мечты* 1 и др. [9, I, с.479]. Представляется, что реакции, приведенные в подпунктах а), б), в), достаточно наглядно свидетельствуют о правомерности выделения значений, коррелятивных 1-3 значениям слова «любить».

Таким образом, актуализированное в АЭ значение многозначного стимула устанавливается в соответствии с эксплицированным типом объекта эмоционального отношения, обозначаемого стимулами **любить** и **полюбить**. С точки зрения когнитивной грамматики, представления об архетипических объектах извлекаются из повторяющихся эпизодов нашего ежедневного опыта, и образуют глубоко укоренившиеся категории, организующие наше представление о взаимодействиях участников (см. [15, р.236] и др.). Архетипической формой для обозначения объекта является винительный падеж, поэтому реакции в форме указанного падежа составляют огромное большинство.

Преобладание реакций в форме винительного падежа может объясняться также тем, что участники АЭ отождествляют себя либо с наблюдателем (в терминологии Р. Лангакера – Viewer) некоторой гипотетической ситуации, либо с активным участником (соответственно, Agent) некоторого эпизода, воображаемого или заимствованного из собственного опыта. О такой возможности свидетельствуют реакции в форме личного или

возвратного местоимения (например, **любить** *его, тебя* 10; *себя* 9; *меня* 6; *ее, она* 2; *он* 1 [9, I, с. 302]; **полюбить** *его* 3; *меня, себя* 1 [9, I, с. 479]), либо первого лица глагола, иногда в сочетании с личным местоимением (например, **любить** *не обязуюсь* 1

[9, I, с. 302], **полюбить** *тащусь по ней, я хочу* 1 [9, I, с. 479]).

Мы не можем однозначно установить падежную форму части неодушевленных имен существительных, полученных в качестве реакций, в связи с омонимичностью образуемых ими форм именительного и винительного падежа, например: **любить** *жизнь* 25; *цветы* 4; *конфеты* 3; *горы, деньги, дом, комфорт, лес, свет, сладкое, сладости, хлеб, шоколад* 1 [9, I, с. 302]; **полюбить** *цветы, мечты* 1 [9, I, с. 479]. Поскольку интенции информантов в АЭ остаются «за кадром» и неизвестны экспериментатору, при интерпретации таких реакций можно опираться только на знание правил языка (См. о сочетаниях глаголов эмоционального отношения с винительным падежом объекта-каузатора [4, с. 360]), с одной стороны, и экстралингвистические знания, с другой стороны. Сумма этих знаний позволяет утверждать, что полученные реакции, являющиеся обозначением неживых предметов, эксплицируют объект, а не субъект названного эмоционального отношения.

Более сложной задачей является интерпретация реакций, обозначающих живые существа, которые получены в форме именительного падежа, например: **любить** *девушка, мать, человек* 6; *женщина* 3; *люди, мама, муж, она* 2; *девочка, дочь, мужчина, отец, парень* 1 [РАС, 1: 302]; **полюбить** *девушка, парень, человек* 2; *женщина, мама, мужчина* 1 и др. [РАС, 1: 479]. Любую из приведенных здесь реакций можно рассматривать либо как экспликацию субъекта эмоционального отношения (в этом случае реакция является грамматикализованной), либо как экспликацию объекта (тогда полученная реакция является неграмматикализованной).

Кроме того, на стимул **любить** получены реакции *за красивые глазки; не за, а несмотря на* 1 [9, I, с. 302] – всего 0,36%. Данные реакции являются полной либо частичной реализацией каузативной синтаксемы *за + Вин.п.* (Г.А.Золотова рассматривает данную каузативную синтаксему как называющую причину – «основание оценочного действия» [4, с.362]), называющей причину эмоционального отношения. Поскольку реакции такого типа на стимул **любить** являются низкочастотными, а для стимула **полюбить** они вообще не фиксируются, можно сделать вывод, что такая сочетаемость не является архетипичной для анализируемых глаголов эмоционального отношения.

Значительная часть реакций на данные стимулы получена в форме инфинитива: **любить** – 21,5% [9, I, с.302]; **полюбить** – 13,6% [9, I, с. 479]. Однако тождественность формы не свидетельствует в данном случае об однотипности эксплицируемых связей в ментальном лексиконе говорящего или концептуальных структур его сознания.

Помимо того, поскольку интенции испытуемого неизвестны, однозначная интерпретация полученных реакций не всегда возможна. Например, вызванная и стимулом **любить**, и стимулом **полюбить** реакция *ненавидеть* может рассматриваться либо как антонимическая, либо как эксплицирующая амбивалентность концепта любви, поскольку любовь «включает в себя момент ненависти к своему партнеру» [2, I, с. 57]. Отмеченная амбивалентность эксплицирована, в частности, реакцией *и ненавидеть* 1, вызванной стимулом **любить** [9, I, с. 302]. Кроме антонимических отношений, как в парах **любить** – *ненавидеть* 28 [9, I, с. 302] и **полюбить** – *разлюбить* 4 [9, I, с. 479], реакции эксплицируют парадигматические отношения гипогиперонимии и синонимии, например: **любить** *нравиться, обожать* 2; *чувствовать* 1 [9, I, с. 302]; **полюбить** *втюряться* 1 [9, I, с. 479].

Часть реакций, полученных в форме инфинитива, выявляет фиксируемое в словаре значение ‘чувствовать склонность, влечение, тяготение к чему-либо; испытывать удовольствие от созерцания, ощущения чего-л. || Иметь пристрастие к чему-л., отдавать предпочтение чему-л.’

(см. выше). Например: **любить** *читать* 3; *выпивать, выпить, поспать* 1 и др. [9, I, с. 302].

Как уже отмечалось, в сознании носителей культуры существуют ментальные модели поведения в определенных ситуациях. Эти структуры сознания являются амбивалентными, поскольку соответствующие культурно-специфичные представления о том, как себя вести, могут либо соблюдаться, либо не соблюдаться. Соответственно данные структуры представляют собой сложные ментальные образования, в которых можно выделить в качестве их разновидностей позитивную (сообразующуюся с предписанными нормами) и негативную (с нарушением установленных норм) модели, помимо которых существуют также переходные варианты.

На уровне ментального лексикона это выражается в возможности вариативного заполнения слотов фрейма, относящихся к импликационалу значения. Варианты такого заполнения эксплицированы следующими реакциями, полученными в форме инфинитива: ср. **любить** *жалеть* 5; *ждать* 4; *верить* 3; *жеститься и верить* 2; *да радоваться, заботиться, лелеять, радоваться* 1 и *страдать* 3; *безнадежно, бить, врать, и горевать, и ненавидеть, мучиться, разлюбить, ревновать, терпеть* 1 и др. [9, I, с. 302]; **полюбить** *разлюбить* 4; *забыть, и бросить, изменить, предать, ревновать* 1 и др. [9, I, с. 479].

Поскольку, с точки зрения когнитивной грамматики, морфемы являются символическими элементами (symbolic units) [15, p. 15], их значение также может быть эксплицировано ассоциативными реакциями. Особенно показательными в этом отношении являются реакции, эксплицирующие чисто грамматические значения. Значение совершенного и несовершенного вида, выражаемое анализируемыми стимулами, приводит к возникновению реакций, характеризующих протекание процесса во времени: **любить** *вечно* 4;

всегда, долго 2; *всю жизнь, навечно, на всю жизнь* 1 [9, I, с. 302]; **полюбить** *навсегда* 5; *навечно* 2; *на всю жизнь, один лишь раз, с первого взгляда, сразу* 1 [9, I, с. 479]. При этом сочетания стимула и реакции **любить** *навечно, на всю жизнь* 1 (по 0,18%) не соответствуют нормативной сочетаемости глагола несовершенного вида. По-видимому, данные реакции можно рассматривать как неграмматизированные: на ход ассоциативного реагирования в данном случае повлияла, в первую очередь, соответствующая концептуальная структура, обозначенная корнем слова *люб-*, без активизации структур лексикона, отвечающих за грамматическое оформление высказывания. Такие примеры являются косвенным свидетельством автономного хранения в памяти говорящего концептуальных и языковых структур.

Следует попутно отметить, что, невзирая на различное оформление (ср. *вечно – навечно, всегда – навсегда*), гиперболизация, проявившаяся в этих реакциях, свидетельствует о том, что они эксплицируют некий идеальный сценарий. Реакции *один лишь раз, с первого взгляда, сразу* также являются экспликацией соответствующих идеальных моделей. В целом, можно отметить, что между значением морфем, входящих в состав обоих слов – как стимула, так и реакции – наблюдаются сложные семантические взаимосвязи.

Психологическая реальность морфем, их выделенность в ментальном лексиконе говорящего подтверждается также другим примером: поскольку стимул **любить** был задан в форме инфинитива, возникли реакции, эксплицирующие типичную для инфинитива в составе главного члена безличного предложения сочетаемость: *можно, нельзя* 1 [9, I, с. 302].

Главная, корневая часть слова (*люб-*) несет наибольшую символическую нагрузку. Поскольку она входит в состав обоих анализируемых стимулов, постольку вызванные ими реакции обнаруживают значительное сходство.

Кроме того, полученные реакции позволяют делать выводы о существующих в сознании носителя русской культуры ментальных моделях. Установки и предписания культуры не всегда осознаются ее носителями, поэтому, как отмечает А.Д. Шмелев, «важно не то, что утверждают носители языка, а то, что они считают само собою разумеющимся, не видя необходимости специально останавливаться на этом внимание» [14, с. 13]. В частности, пишет он далее, «мы не можем делать вывод, что для русской языковой картины мира характерно представление, согласно которому чувство любви неподвластно воле человека и рациональным соображениям, на основании таких пословиц, как *Любовь зла, полюбишь и козла*, или ходячего изречения *Сердцу не прикажешь*, – (правда, эти высказывания дают основания для определенных выводов относительно некоторых других представлений, принимаемых в русской языковой картине мира как данность, например ‘козел менее всего достоин любви’ или ‘орган любви – сердце’)» [14, с. 13]. Функции сердца как органа любви отчетливо эксплицированы результатами АЭ: **сердце** *любовь* 24; *любящее* 4; *любить* 2; *любит, любить не устанет, люблю; любовь, ласка; орган любви* 1 [9, I, с.582].

Прескрипции, существующие в сознании носителей русской культуры, эксплицированы реакциями, выражающими степень проявления чувства и его необходимые характеристики: **любить** *сильно* 15; *крепко* 11; *горячо* 5; *очень* 4; *нежно* 3; *искренне* 2; *беззаветно, без оглядки, без остатка, без памяти, без ума, безумно, верно, преданно, честно* 1 [9, I, с. 302]; **полюбить** *крепко, сильно* 2; *безумно, всей душой* 1 [9, I, с. 479]. Особый интерес представляет собой реакция **любить** *по-настоящему* 3 [9, I, с. 302], которая не дает нам конкретного «рецепта» чувства (молчаливо предполагается, что носители культуры и так знают, что это такое), а указывает на соответствие образцовой модели.

Часть реакций эксплицирует амбивалентное (с преобладанием положительного) оценочное отношение к чувству любви: **любить** *счастье* 6; *радость* 2; *прекрасно, приятно, это прекрасно* 1 [9, I, с. 302]; **полюбить** *глупо, счастье, чувство серьезное* 1 [9, I, с.479]. Любовь оказывается сродни таланту, особому дару, поскольку **любить** *дано не каждому* [9, I, с. 302]. Негативное отношение к любви может мотивироваться неудачным выбором объекта чувства: **любить** *дурака* 1 [9, I, с. 302]; **полюбить** *дурака* 2; *обормота* 1 и др. [9, I, с. 479] (ср. также реакцию *недостойны любви*, вызванную стимулом **любить** [9, I, с. 302]).

Итак, языковые данные обладают совершенно особой значимостью для попыток пролить свет на ментальные модели, существующие в сознании носителей культуры. Помимо того, поскольку наиболее важные для человеческой психики концепты отражены в грамматике языков, создающей каркас для распределения концептуального материала, результаты АЭ позволяют эксплицировать концептуальную информацию, кодируемую структурными составляющими слова.

Литература:

1. Вежицкая А. Толкование эмоциональных концептов // Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. – М., 1997. – С. 326-375.
2. Воркачев С.Г. Национально-культурная специфика концепта любви в русской и испанской паремииологии // Филологические науки. – 1995. – №3. – С. 56-66.
3. Добровольский Д.О., Караулов Ю.Н. Идиоматика в тезаурусе языковой личности // Вопросы языкознания. – 1993. – №2 – С. 5-15.
4. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. – М.: Наука, 1988. – 440 с.
5. Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь: В 2 т.– Т.1. – От стимула к реакции / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова,

- Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. – С. 749-782.
6. Ковшова М.Л. *Как с писаной торбой носиться*: принципы когнитивно-культурологического исследования идиом // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 164–173.
  7. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 245 с.
  8. Постовалова В.И. Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 25–33.
  9. Русский ассоциативный словарь: В 2 т.– Т. 1. От стимула к реакции / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002.– 784 с.
  10. Сепир Э. Бессознательные стереотипы поведения в обществе // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Изд. группа «Прогресс», 2001. – С. 594–610.
  11. Словарь русского языка. В 4 т. – М.: Русский язык, 1988-1988.
  12. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 13 – 24.
  13. Фрумкина Р.М. Психоллингвистика. – М.: Издат. центр «Академия», 2001. – 320 с.
  14. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. (Язык. Семиотика. Культура. Малая сер.) – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.
  15. Langacker R.W. Concept, image, and symbol: the cognitive basis of grammar. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2002. – 395 p.